

Шабанов Виктор Леннарович
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт аграрных проблем Российской академии наук,
г. Саратов, Российская Федерация
vic35@inbox.ru

Сельская бедность и её связь с ЛПХ

Аннотация. С использованием абсолютного, относительного и депривационного подходов получены оценки уровня бедности сельского населения России. Представлены расчетные данные, характеризующие уязвимость отдельных социально-демографических групп сельского населения перед абсолютной и депривационной бедностью. Проанализирована динамика занятости сельского населения в ЛПХ в 2011- 2018 гг. и динамика размеров ЛПХ в 2006–2016 гг. Установлен ускоренный рост занятости в потребительских ЛПХ и рост вторичной занятости в ЛПХ работающего населения. Статистические расчеты выполнены на базе микроданных Выборочного наблюдения доходов и Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата по итогам 2018 г.

Ключевые слова: абсолютная; относительная; монетарная бедность; депривационная бедность, социально-демографический профиль бедности; занятость, ЛПХ

Shabanov Viktor Lennarovich
Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russian Federation
vic35@inbox.ru

Rural poverty and its relationship with private subsidiary farms

Abstract. Using the absolute, relative and deprivation approaches, estimates of the poverty level of the rural population of Russian Federation are obtained. The calculated data characterizing the vulnerability of certain socio-demographic groups of the rural population to absolute and deprivation poverty are presented. The dynamics of rural employment in private subsidiary farms in 2011–2018 is analyzed, as well as the dynamics of household production in 2006–2016. It has been established the accelerated growth in employment in consumer private subsidiary farms and the growth in secondary employment in private subsidiary farms. Statistical calculations were performed on the basis of microdata of the Sample income observation and the Sample survey of the household budgets, carried out of Rosstat according to the results of 2018.

Keywords: absolute; relative; monetary poverty; deprivation poverty; socio-demographic profile of poverty; employment, private subsidiary farms

Бедность – сложное, многомерное социально-экономическое явление, характеризующее невозможностью для людей вести минимально приемлемый образ жизни того сообщества, членами которого они являются [Гришина, 2019]. Эта

невозможность определяется через объективный показатель доходов или субъективное восприятие индивидами меры доступности различных благ. В первом случае речь идет об одной из монетарных концепций бедности – абсолютной или относительной, во втором – о концепциях субъективной или депривационной бедности.

Сельское население имеет повышенный риск попадания в категорию бедных независимо от принятой концепции исследования. Монетарные концепции определяют бедность сравнением дохода индивида (обычно среднедушевого денежного) с некоторым установленным порогом – величиной прожиточного минимума в абсолютной концепции, принятой Росстатом, и долей медианы в распределении дохода в относительной концепции, используемой в ЕС.

Поскольку доходы сельского населения ниже, чем городского, за установленным порогом монетарной бедности оказывается большая доля сельских жителей, чем городских – соответственно 25 % и 8,1 % (при расчетах по абсолютной методике), 32 % и 10 % в 2017 году (при расчетах по относительной методике с порогом в 0,5 медианы невзвешенного среднедушевого денежного дохода, см. рисунок).

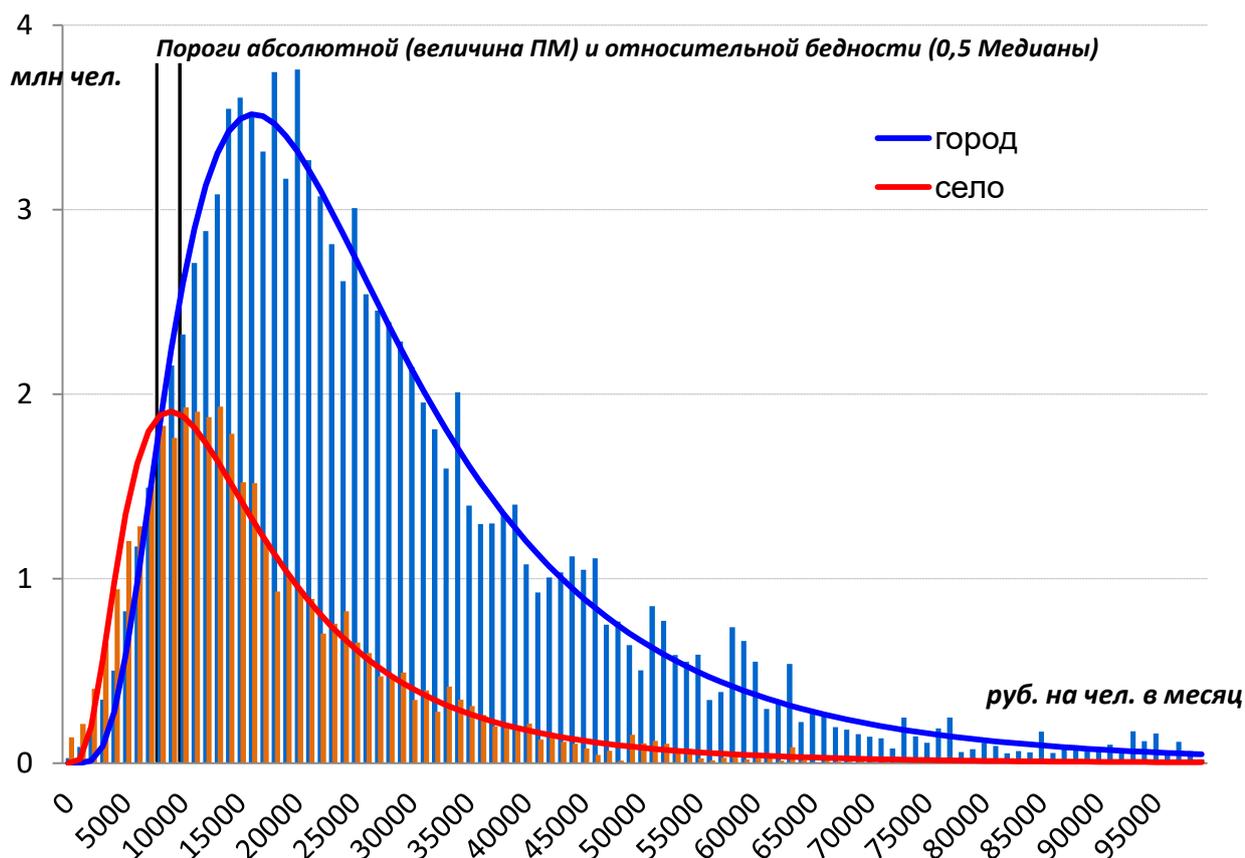

Рисунок. Распределения сельского и городского населения России по величине среднедушевого денежного дохода на конец 2017 г.*)

*) Расчеты автора на основе микроданных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах по итогам 2017 г [Выборочное ..., 2018].

Распределение бедности между основными социально-демографическими группами сельского населения неоднородно. Риск бедности усиливается с увеличением размера сельской семьи и с изменением её демографической структуры в

пользу детей. Напротив, наличие в семье лиц пенсионного возраста снижает риск бедности (Табл. 1).

Таблица 1^{*)} Некоторые демографические характеристики бедных и небедных сельских семей, 2017 г.

Показатели	Размер семьи, чел.	Доля лиц в возрасте (% от численности группы):		
		трудоспособном (16–54(59))	младше трудоспособного	старше трудоспособного
Небедные	2,47	53,4	14,6	32,0
Бедные	3,92	55,6	37,5	6,9

^{*)} Расчеты автора на основе микроданных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах по итогам 2017 г [Выборочное ... 2018]. Бедность определена на основе методики Росстата

Более высокий по сравнению с пенсионерами риск бедности населения в трудоспособном возрасте – давний и устойчивый для России проблемный социальный факт, особенно для села. Получение даже сравнительно небольшого, но гарантированного дохода в форме пенсии обеспечивает большую безопасность и выгоду, чем реализация возможностей человека, находящегося в активном трудоспособном возрасте, на сельском рынке труда. Эти возможности оказываются сильно ограниченными из-за узости сельского рынка труда и трудностей нахождения подходящей работы, ненадежности занятости и распространения нестандартных её форм в сельской местности. Это приводит к повышенной уязвимости трудоспособного сельского населения перед бедностью.

С демографической структурой связана структура источников дохода: бедные и небедные сельские семьи с почти одинаковой частотой называли заработную плату от работы по найму в качестве источника дохода; детские пособия и пособия по безработице гораздо чаще называли бедные, а пенсии – небедные семьи (Табл. 2).

Таблица 2^{*)} Наличие источников денежного дохода бедных и небедных сельских семей, 2017 г., % назвавших от общей численности группы.

Показатели	Зарплаты	Детские пособия	Пособия по безработице	Пенсии
Небедные	69,7	9,3	0,7	64,3
Бедные	73,5	49,5	5,3	33,2

^{*)} Расчеты автора на основе микроданных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах по итогам 2017 г [Выборочное ..., 2018] Бедность определена на основе методики Росстата

Одна из причин повышенной бедности семей с отмеченной демографической структурой – формальная: она состоит в использовании невзвешенного показателя среднедушевого дохода Росстатом в методике исчисления бедности, когда ребенку и взрослому присваивается одинаковый вес, равный 1. В этом случае числитель (среднедушевые доходы) растет медленнее знаменателя (невзвешенное число членов семьи) из-за того, что темп роста семейных доходов, как правило, не успевает за

темпом роста семьи, обусловленным появлением в ней детей. Тем не менее, данная причина не является решающей при формировании группы бедных (или малоимущих, по терминологии Росстата) семей: «взвешивание» среднедушевого дохода при расчетах бедности не подавляет полностью влияние демографической структуры [Шабанов, 2019: 377–379].

Другая причина – безработица и низкие зарплаты работающих. Действительно, при почти равном удельном весе абсолютная численность лиц трудоспособного возраста в малоимущих сельских семьях заметно больше, чем в прочих – 2,18 против 1,43, однако, они не обеспечивают свои семьи доходом на уровне выше установленного порога бедности. Значительно меньшая часть трудоспособных членов малоимущих семей работает – 1,20 против 1,26 чел. в семьях, не относящихся к малоимущим. Остальные – учащаяся молодежь, домохозяйки и безработные. Они ведут домашние дела, организуют быт и работают в ЛПХ, но их непосредственное участие в формировании семейного бюджета, как правило, ниже, чем у работающих. Зарплаты работающих в малоимущих семьях существенно ниже, чем в семьях, не относящихся к малоимущим – в среднем 12,5 тыс. против 25,6 тыс. руб. в месяц [Выборочное ..., 2018].

Депривационный подход в большей степени, чем монетарные, ориентирован на объяснение социального поведения людей, поскольку испытываемые лишения определяются не одними только доходами. Так, небедное в монетарном смысле домохозяйство, имеющее доходы выше прожиточного минимума или другого установленного порога, может оказаться бедным по лишениям из-за специфики своих расходов, определяемой, например, завышенными долями лекарств, спиртного, каких-либо услуг [Тихонова, 2014]. Образ жизни индивидов, составляющих такое небедное по доходам домохозяйство, скорее всего, будет соответствовать усредненным представлениям о бедности, сложившимся в данном обществе в данное время.

Важнейшая задача при измерении депривационной бедности – определение списка лишений [Давыдова, 2013]. Один из таких списков, присутствующих в бюджетном обследовании домохозяйств Росстата в неизменном виде по крайней мере с 2004 г., представляет собой упорядоченную совокупность из пяти финансовых возможностей, усиливающихся по мере продвижения к концу совокупности – от нехватки денег на еду до возможности любой покупки [Обследование ..., 2018]. К числу бедных обычно относят респондентов, оказавшихся по самооценке возможностей в первых двух градациях – «доходов не хватает даже на еду» и «затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги» [Гришина, 2019; Сергиенко, 2011]. Похожий подход к исчислению бедности реализуется и в других масштабных российских исследованиях, не связанных с Росстатом [см., например: Широкалова, Володина, 2018].

В отличие от монетарных, депривационный подход дает более сглаженные оценки распространения бедности. В частности, уровень депривационной бедности в городе и селе достаточно близок: с 2004 г. он различается не более чем на 5–31 %; в 2016 г. он составлял 21,0 % в городе и 23,3 % в селе, в 2018 г. – 16,2 и 18,3 %. В то же

время уровень абсолютной бедности в городе и селе в последние годы различается в 3,1–4,3 раза [Социально-экономические ..., 2019: 23]. Концентрация депривированного населения в сельской местности гораздо ниже, чем малоимущего; риск попадания в категорию бедных по доходам у сельского населения заметно выше, чем риск попадания в категорию бедных по лишениям.

Связь депривационной бедности с показателем доходов ожидаемо обратная, однако, она менее выраженная, чем в случае монетарной бедности: среднемесячный денежный доход депривированных в 2018 г. составил 14,6 тыс. руб. и был в 2 раза *выше* дохода монетарных бедных [Социально-экономические..., 2019: 38]; напротив, денежный доход 10,7 % индивидов, оценивших свои финансовые возможности наиболее высоко, составил 38 тыс. руб. в месяц, и был в 1,9 раз *ниже* денежного дохода 10 % самых богатых (определяемых Росстатом по величине располагаемых ресурсов) [Доходы ..., 2019: 19]. В целом только 26 % депривированных являются также и «официальными» малоимущими – бедными по доходам, и 36 % «официальных» бедных являются депривированными.

Таким образом, доход, будучи основным дифференцирующим показателем в монетарных концепциях бедности, в депривационной концепции играет второстепенную, косвенную роль. Субъективное восприятие индивидами своих финансовых возможностей в сфере потребления связано с их доходами сложно и неоднозначно.

Не являются факторами депривационной бедности также и показатели размера домохозяйства и количества детей в нем: будучи заметными факторами абсолютной бедности (рост которой связан с ростом обоих показателей, см. выше), они оказывают на депривационную бедность гораздо более слабое или неоднозначное влияние. Наиболее депривированными по ощущениям оказываются одиночки, притом, что их риск абсолютной бедности – один из самых низких (Табл. 3). Другие категории депривированных, подверженные повышенному риску – индивиды, проживающие в семьях инвалидов и неработающих пенсионеров: их доли среди депривированных составляют 29,5 и 25,8 %, а среди малоимущих – 11,0 и 6,3 % [Обследование ..., 2018].

Таблица 3. Удельный вес численности малоимущего и депривированного населения в сельских домохозяйствах, сгруппированных по размеру и по числу детей в них, 2018 г., %^{*)}

Группы	Размер домохозяйства, чел.					Число детей в домохозяйстве			
	1	2	3	4	5 и более	0	1	2	3 и более
Малоимущие	4,1	10,1	17,1	24,0	38,8	11,9	21,7	29,6	53,3
Депривированные	22,5	15,5	16,3	16,6	21,7	16,8	19,5	20,1	28,6

^{*)} Расчеты автора на основе микроданных Обследования бюджетов домашних хозяйств по итогам 2018 г [Обследование ..., 2018]

Таким образом, депривационная бедность, определяемая через самостоятельное позиционирование индивидов в системе их потребительских возможностей, связана

прежде всего с социально-психологическими факторами, и в меньшей степени, чем монетарная, обусловлена объективными показателями доходов и потребления.

В свою очередь монетарная бедность, определяемая низкими доходами, в значительной степени обусловлена депривациями в сфере занятости; в отношении села эти депривации связаны с:

- низкими зарплатами работающего населения, значительная часть которого занята видами трудовой деятельности, относящимися к низкой и средней квалификации, или в отраслях с более низким уровнем оплаты труда (в сельском хозяйстве, в бюджетной сфере);

- слабой востребованностью сельского рынка труда в работниках высшего уровня квалификации;

- узостью сельского рынка труда, ограничивающей возможности улучшения занятости;

- высоким распространением безработицы и нестандартных форм занятости – сезонной, неполной, неформальной;

- ограниченными возможностями развития сельского предпринимательства, особенно несельскохозяйственного, и его замещение неформальной самозанятостью [Шабанов, 2017].

Монетарная бедность и депривации в сфере занятости способствуют активности сельского населения в сфере ЛПХ.

Приусадебное сельскохозяйственное производство по крайней мере с 1990-х гг. является своеобразным индикатором уровня жизни сельского населения. Рост ЛПХ в первой половине 1990-х гг. был результатом сочетания новых экономических возможностей, связанных со снятием всех ограничений с частного производства и предпринимательства, снижения уровня занятости и доходов, и быстро сложившейся новой системой межхозяйственных связей – патерналистских или вынужденных [Калугина, 2015]. Эта система включала как прямую поддержку ЛПХ со стороны сельхозпредприятий, так и опосредованную, когда в отсутствие наличных денег у сельхозпредприятий происходило замещение заработной платы работников натуроплатой. Натуроплата, которая во многих регионах состояла из зерна, использовалась сельскими домохозяйствами как ресурс для содержания скота, поголовье которого в ЛПХ в те годы существенно возросло [Российский..., 2004: 417, 424].

В 2000-е гг. происходит восстановительный рост производственного потенциала сельскохозяйственных организаций. Они становятся рыночными предприятиями, и связи между ними и ЛПХ рационализируются: поддержка ЛПХ, как прямая, так и косвенная, ослабевает. Одновременно с этим продолжает снижаться сельскохозяйственная занятость: за период 2008–2018 гг. – на 1/3 (с 4 811 до 3 227 тыс. чел.); в процентном отношении – с 28,3 % до 19,7 % от общего числа сельских занятых [Итоги выборочного..., 2008, 2018]. Однако значительная часть этой занятости переходит в неформальный сектор сельскохозяйственного производства, во вторичную занятость, и реальный вес ЛПХ в жизнедеятельности села и сельской семьи

остается весьма высоким: хозяйства населения остаются основой сельского социума [Намруева, 2019]. В то же время ЛПХ перестает восприниматься как стратегический ресурс выживания; преодоление бедности сельское население чаще связывает с другими возможностями – прежде всего с нахождением работы в городе в режиме маятниковой трудовой миграции.

Согласно данным сельскохозяйственной переписи 2016 г., около 36 % от общей численности занятого сельскохозяйственными видами деятельности сельского населения, равной 3,68 млн чел., работало в сельскохозяйственных организациях, 8,2 % в КФХ и ИП. Занятость остальных 2,1 млн чел. связана с ЛПХ, производящими товарную продукцию; практически все они заняты неформально [Итоги Всероссийской ..., 2018: 122–134; Итоги выборочного..., 2017].

Согласно материалам сельскохозяйственных переписей 2006 и 2016 гг., за межпереписной период сократилось общее количество ЛПХ (с 15 до 13,8 млн) и удельный вес тех из них, в которых содержится скот (в частности, КРС – с 23,6 до 12 %, свиньи – с 17,3 до 7,1 %, овцы и козы – с 9,5 до 6,2 %); сократилось и поголовье скота в ЛПХ, за исключением овец и коз (КРС на 53 %, свиней на 62 %, овец и коз увеличилось на 5 %). При этом темп сокращения был связан с размером ЛПХ обратной зависимостью: чем меньше было ЛПХ, тем быстрее происходило его измельчение; удельный вес мелких и средних ЛПХ в общем их количестве с течением времени уменьшился – как и удельный вес поголовья скота в них в общем поголовье скота в ЛПХ.

Результатом этого явилось усиление процессов дифференциации ЛПХ и концентрации сельскохозяйственного производства в наиболее крупных из них. Увеличилось поголовье скота в среднем на одно хозяйство (4,5 голов КРС в 2016 г. против 2,9 в 2006 г., 3,7 свиней в 2016 г. против 3,1 в 2006 г.), в том числе наиболее быстрым темпом – в крупных ЛПХ. Рост почти в 2 раза количества ЛПХ, в каждом из которых содержится свыше 10 голов КРС, рост общего поголовья в них более чем в 2,3 раза свидетельствует о стремлении их владельцев увеличить товарность хозяйства. Такие крупные ЛПХ фактически становятся мини-фермами [Итоги Всероссийской..., 2008: 320–323; Итоги Всероссийской..., 2018: 276–378].

Измельчение небольших ЛПХ, поголовье скота в которых ограничивается 1-2 животными, характеризует другой полюс дифференциации: от содержания скота отказываются те домохозяйства, которым не удалось или не захотелось модернизировать ЛПХ, повысить его товарность. Потребительская мотивация приусадебного хозяйства в таких домохозяйствах перестает быть значимой, а содержание скота перестает восприниматься как гарантия выживания. Члены таких домохозяйств находят работу вне сельского хозяйства.

В течение рассматриваемого межпереписного периода динамика самозанятости сельского населения в ЛПХ, как товарных, так и потребительских, не была однозначной. Рассмотрим, как она связана с динамикой уровня жизни и бедности.

В 2016 г. численность занятых производством сельскохозяйственной продукции в ЛПХ с целью продажи (обмена) резко выросла – на 7,3 % – после периода снижения,

длившегося в 2011–2015 гг. Причем, наибольший вклад в этот рост внесли те, для кого занятость товарным производством в домашнем хозяйстве не была единственным видом деятельности. Их численность возросла на 13,3 % за год. В 2017 г. произошел резкий – почти в 2 раза – обвал занятости в товарных ЛПХ: возможно, это связано с изменением методики учета. Однако в следующем, 2018-м, году тенденция 2016-го года возобновилась: возросла занятость в товарных ЛПХ (на 6,4 %), и он был в большей степени обеспечен теми, у кого имелась основная работа вне ЛПХ. Таким образом, увеличение сельскохозяйственного производства и товарности в крупных ЛПХ в середине 2010-х гг. связаны с усилением участия занятого на основной работе трудоспособного населения.

Потребительские ЛПХ распространены шире товарных: количество сельских жителей, работающих в них, оценивается в 2,9–3,5 раза выше (в зависимости от года). Их владельцы заняты производством сельхозпродукции с целью обеспечения личного потребления и экономии на покупке. Потребительские ЛПХ устойчивы, так как работа в них, формально не являющаяся видом занятости, может быть незначительной, нерегулярной или просто данью привычке и традиции. Сокращение числа работающих в них характеризует отход от сельскохозяйственной деятельности, часто по причинам, не связанным с уровнем жизни семьи (например, пожилой человек перестал заниматься ЛПХ из-за проблем со здоровьем, старшеклассник перестал помогать взрослым из-за загруженности в школе и т.д.). В то же время увеличение масштабов трудовой деятельности в потребительских ЛПХ однозначно указывает на снижение уровня жизни и рост бедности – в отличие от роста занятости в товарных ЛПХ, который может иметь разное объяснение. Так, в 2011 г. численность работающих в товарных ЛПХ увеличилась на 7,6 %, а в потребительских – снизилась на 5,6 %. В дальнейшем тенденция изменилась: с 2014 г. занятость в потребительских ЛПХ растет быстрее, чем в товарных – за 2014–2017 гг. – соответственно на 19,6 и 4,8 %, за 2017–2018 гг. – на 13,1 и 6,4 % [Итоги выборочного ..., 2015–2018].

Таким образом, рост вторичной занятости в товарных ЛПХ работающего населения в 2016 и 2018 гг., мотивированный потребностью в дополнительных доходах, и ускоренный рост занятости в потребительских ЛПХ с 2014 г., отражают ситуацию снижения уровня жизни и распространения бедности в сельской местности. Приусадебное сельскохозяйственное производство подтверждает свою важность в качестве гаранта выживания сельских семей в условиях снижения уровня жизни. Однако отношение к государственной поддержке ЛПХ неоднозначное [Серова, Шик, 2007; Оберемко, 2008]. В то же время, независимо от отношения к ЛПХ и его господдержке, следует согласиться с тем, что вложение ресурсов непосредственно в сельскую семью, в различные аспекты её жизнедеятельности, включая хозяйственный, имеет более высокую социальную значимость и дает больший эффект в преодолении сельской бедности, чем вложение ресурсов в территорию [Салахутдинова, 2018].

Итак, независимо от концептуального подхода, сельское население подвержено более высокому риску бедности, чем городское. В селе наиболее сильно выражены проблемы работающего трудоспособного населения, связанные с

депривациями на рынке труда, продуцирующими рост самозанятости. Одно из основных направлений сельской самозанятости – приусадебное сельскохозяйственное производство. Его нисходящая динамика определяется измельчением большого числа мелких хозяйств и, одновременно с этим, ростом наиболее крупных. Рост самозанятости в ЛПХ в последние годы обеспечивается в значительной степени работающим населением трудоспособного возраста, увеличивающим самоэксплуатацию, что отражает ситуацию снижения уровня жизни и расширения бедности в сельской местности.

Библиографический список

Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2018/index.html (дата обращения: 01.03.2020).

Гришина Е. Е. Динамика депривационной бедности в России [Электронный ресурс] // Вектор экономики (электронный научный журнал). 2019. № 4 (34): [веб-сайт]. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/4/laboureconomics/Grishina.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 88–96.

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): Стат. бюллетень / Росстат. – М., 2019.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: Т.1. Книга 1 / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab1_t1k1.pdf (дата обращения: 15.01.2020).

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: Т.1. Книга 1 / Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [веб-сайт]. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/VSHP_2016_T1_k1\(3\).pdf](https://www.gks.ru/storage/mediabank/VSHP_2016_T1_k1(3).pdf) (дата обращения: 15.01.2020).

Итоги выборочного обследования рабочей силы: Стат. бюллетень. 2004–2018 [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 15.01.2020).

Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Социологический дискурс. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.

Намруева Л. В. Взаимодействие коллективного и семейного укладов в южнороссийских селах (по материалам исследования 2018 г.) // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 2. С. 134–142.

Оберемко О. А. Что поддерживает ПНП «Развитие АПК», поддерживая ЛПХ? // Мир России. 2008. № 2. С. 92–107.

Обследование бюджетов домашних хозяйств по итогам 2018 г [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: <https://obdx.gks.ru> (дата обращения: 15.01.2020)

Российский статистический ежегодник: Стат. сборник / Росстат. – М., 2004.

Салахутдинова Р. Р. Социальная помощь сельским семьям как специфическое направление социальной политики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018, № 1 (139). С. 105–110.

Сергиенко А. М. Социальная исключенность как форма сельской бедности: оценка масштабов и глубины в Алтайском крае и Республике Алтай // Ученые записки Алтайского филиала РАНХиГС. Вып. 8. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. С. 32–53.

Серова Е. В., Шик О. В. Национальный проект «Развитие АПК»: состояние и перспективы // Национальные проекты. 2007. № 1.

Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2018 гг.: Стат. бюллетень. 2019 [Электронный ресурс] // Росстат: [веб-сайт]. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 15.01.2020).

Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 6–19.

Шабанов В. Л. Монетарная бедность сельского населения России: уровень, профиль, особенности статистического наблюдения // Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы: Материалы XXIV международной научно-практической конференции Никоновские чтения-2019. – М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2019. С. 377–379.

Шабанов В. Л. Уровень жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села: методология исследования и анализ динамики: Монография. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2016. 256 с.

Широкалова Г. С., Володина Е. Н. Материальное положение селян как фактор жизненных стратегий (на примере Нижегородской области) // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: Сб. статей. Отв. ред. А. И. Шевельков. – М.: Изд-во Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна), 2018. С. 292–296.